

УДК 82.081

**ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ СМЕРТИ В ПОВЕСТИ
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»**

А. Урбан-Подольян

Зеленогурский университет, Польша

E-mail: olaup@rambler.ru

Урбан-Подольян Александр, канд. гуманитарных наук, адъюнкт кафедры восточно-славянских литератур Зеленогурского университета, г. Зелёна-Гура (Польша).

E-mail: olaup@rambler.ru

Область научных интересов: русская литература 2-ой половины XX в. (авторская поэзия, деревенская проза, мортальная тематика в прозе Валентина Распутина), теория и практика присяжного перевода.

Анализу подвергаются те выразительные средства – собственно фразеологизмы, пословицы, поговорки и другие лексико-стилистические средства, – которые складываются в языковой образ смерти в повести В. Распутина «Последний срок». Приведенные нами примеры являются свидетельством проявления особой тщательности писателя по отношению к языковому плану повести. Они не только позволяют избежать повторов в речи повествователя, но и порой придают ей возвышенную тональность, а порой смягчить заданное темой произведения ощущение безысходности изображаемого. Используя богатство и выразительность языка старожилов сибирской деревни, дифференцируя их речь и насыщая ее диалектизмами и народными изречениями, писателю удалось воскресить на страницах повести забытую литературой предыдущего периода живую речь русской деревни и достичь той достоверности и убедительности, к которым в своем творчестве стремились большинство писателей-«деревенщиков».

Ключевые слова:

Валентин Распутин, смерть, языковой образ смерти, фразеология, паремология.

Key words:

Valentin Rasputin, death, verbal picture of death, phraseology, paroemiology.

Как справедливо отмечает американская исследовательница Катлин Партэ, «язык – это именно та черта деревенской прозы, которая позволяет мгновенно отличить ее от произведений соцреализма и других стилевых течений постсталинского периода, например, от молодежной и городской прозы. [...] Одним из самых важных достижений деревенской прозы было сохранение в русской литературе живых голосов деревни, голосов деревенского детства» [1. С. 50, 68]. Ссылаясь на опыт Валентина Распутина, она подчеркивает значение посещения писателями родных мест для сохранения ими самими словесной культуры русской деревни, а затем обновления литературного языка: «Каждый год, – говорил писатель, – я стараюсь бывать в сибирской деревне, слушать ее разговор, запоминать его. Меня интересует живой язык, я постоянно записываю слова и словечки, которые примечательны. Таким образом у меня составляется словарь языка, которым сегодня разговаривает деревня в Сибири» [1. С. 52]¹. При этом существенную роль для обогащения литературного языка имело издание словаря Владимира Даля и собрания народных пословиц, которые, по словам К. Партэ, «помогли писателям-деревенщикам усовершенствоваться и расширить язык, который они помнили из своего деревенского детства и который мог устареть за многие годы жизни в городе, где была сосредоточена литературная жизнь в XX веке» [1. С. 55]. На оба эти лексикографических источника мы и будем ссылаться в ходе дальнейших рассуждений.

Языковой образ смерти в прозе Валентина Распутина (1937 г.р.) представляет собой весьма интересный исследовательский материал. Используя словесное богатство русской деревни, писатель вводит в свои произведения значительное количество народных пословиц и поговорок, фразеологизмов, а также других выразительных средств языка, которые помогают его героям постигать и осмысливать сложные процессы и явления окружающей действительности, следуя народным представлениям, а затем отражать их в языковом плане. При этом нельзя

не заметить, что, как подчеркивается А.Н. Кузиной, «мировоззрение же русского крестьянина органично сочетает остатки языческих верований и христианский взгляд на мир (так называемое «двоемирие») [2. С. 21]ⁱⁱ. Итак, «Смерть не оманешь», «Вперёд смерти не помрешь», «Бог дал, Бог и взял» – эти и многие другие пословицы, которыми особенно наполнен язык Распутиных героев, метко и без лишнего морализаторства объясняют феномен человеческой жизни и ухода из нее.

Так как среди лингвистов – специалистов по фразеологии – нет единого мнения о том, какие именно устойчивые словосочетания являются объектом анализа собственно фразеологииⁱⁱⁱ, автор данной статьи не намерен включаться в дискуссию об их систематизации. Цель данной работы – выявление и анализ тех выразительных средств – собственно фразеологизмов, пословиц, поговорок и других лексико-стилистических средств, – которые складываются в языковой образ смерти в повести В. Распутина «Последний срок». В анализируемом материале рассматриваются следующие тематические группы: 1) отношение к смерти, ее восприятие; 2) предсмертное состояние человека (как ощущается и воспринимается близость и неизбежность смерти); 3) процесс и момент ухода из жизни, сама смерть (образ и действия смерти, причинение смерти, преждевременная и насильственная смерть); 4) похороны и загробная жизнь; 5) переносное употребление лексем «смерть», «умереть/умирать» (и синонимичных), а также словосочетаний с компонентами «смерть» и «умереть/умирать», используемых для характеристики качеств героев или их физического и эмоционального состояния.

Главная героиня повести, старушка Анна, лежа в ожидании предстоящей смерти (которая, по ее мнению, почему-то медлит с приходом), мысленно утверждает: «Не умирает только тот, кто не рождается» [3. С. 175]. Этот авторский афоризм верно и точно отражает отношение к смерти излюбленных Распутиных героев – старожилков сибирской деревни. Их мирное и естественное восприятие смерти выражено в повести «Последний срок», прежде всего, в пословицах и поговорках, а также фразеологических оборотах, которыми изобилует, в основном, речь Анны^{iv} и Миронихи.

Умирающая Анна, в момент своего кажущегося выздоровления, на радостное восклицание Ильи «Мать у нас молодец. Обманула свою смерть, и никаких» [3. С. 56] говорит собравшимся у ее кровати детям: «Смерть не оманешь» [3. С. 56]. Это индивидуально-авторская трансформация, которая отражает особенности северо-восточного произношения, известных в русском языке пословиц: «Со смертью не поспоришь», «От смерти не отмолишься, не откристишься», «От смерти не выкупишься» (SP)^v; «Перед смертью не согрубишь (*не слукавишь*)» (ПРН). В этих паремиях с ясностью воспроизводится мысль о тленности человеческого существования и неминуемости смерти.

Удивленный внезапным улучшением состояния матери, Илья восклицает: «Готовенька ведь лежала, ничего будто не осталось» [3. С. 80], где уменьшительно-ласкательная форма прилагательного «готовый» выступает именно в значении 'умерла, скончалась' (БТСРЯ). Раньше же сын гордился ее жизнеспособностью: «Нашу роду так просто в гроб не загонишь» [3. С. 36]. В его высказывании содержится вариант разговорного фразеологизма «в гроб вогнуть кого», обозначающего 'доставить до смерти' (WSF)^{vi}.

Подруга главной героини, Мирониха, старается успокоить Анну, озабоченную тем, что не успеет умереть до разезда детей, и указывает на непредсказуемость смерти и ее неподвластность человеческой воле: «Все мы, старуны, под Богом ходим. Как он захочет, так и выйдет» [3. С. 181]^{vii}, хотя ранее нечаянно и неумышленно разжигала ее опасения вопросами: «Они тебя ждать, чё ли, будут, когда тебя Бог приберёт?» [3. С. 113] или «Тебя пошто смерть-то не берёт?» [3. С. 108]. Первый вопрос мысленно отсылает к фразеологизму «Бог (господь) прибрал кого» (устар.), обозначающим 'кто-либо умер' (ФСРЯ), и пословице «Кого Бог накажет, тот сам помрет; а другого любя приберет» (ПРН). Вторым является индивидуально-авторским преобразованием устойчивого словосочетания «пуля не берёт кого-либо», употребляемого в отношении человека, который кажется неуязвимым, кого нельзя убить (ТСРЯ).

Анна пытается поторопить смерть: «[...] покажусь матушке-смертыньке, а то она меня потеряла, не видит» [3. С. 181]. Это традиционно-народное приложение «матушка» к ласкательной форме «смертынька» служит не просто персонификацией смерти, но и наделяет ее качествами самого близкого, родного существа.

В том, что смерть не зависит от воли человека, убеждают нас и другие герои повести. Михаил и Илья, купив водку на поминки, считают свой долг перед матерью выполненным. Им осталось лишь ждать, так как «[...] все остальное зависело от самой матери или от кого-то там еще, но не от них – не копать же в самом деле могилу неготовому человеку!» [3. С. 32]. Самой Анне хотелось бы избавиться себя и близких от мучительного ожидания конца, но она не может ускорить ход событий: «Вперёд смерти не помрёшь» [3. С. 55]. А когда дело, кажется, идет к выздоровлению матери, на замечание Михаила о том, чтобы мать лучше умерла сейчас, пока все они на месте, Илья возражает: «Пусть умрёт, когда умрётся. Это от нее не зависит» [3. С. 80]. Во всех трех случаях имеем дело с индивидуально-авторскими преобразованиями синонимичных пословиц «Без смерти не умрешь» (СРПиП), «Раньше смерти не умрешь» (СРПиП), «Прежде смерти не умрешь» (SP), «Прежде сроку не помрешь» (SP), толкование которых заключается в следующем: 'смерть наступит только в свое время' (СРПиП).

Подытоживая всю свою жизнь, Анна неоднократно размышляет о детях – не только о приехавших попрощаться с ней перед смертью, но также о тех, кого ей самой пришлось хоронить. На этот раз, в своих внутренних монологах, героиня прекословит бытующей в народе мудрости о равенстве смерти для всех: «Это неправда, что на всех людей одна смерть – костлявая, как скелет, злая старуха с косой за плечами. Это кто-то придумал, чтобы пугать ребятишек да дураков» [3. С. 160]. В этом образном описании содержится отрицание пословицы «На всех одна смерть» (ПРН), которая, как следует из текста повести, в понимании старушки относится к внешней характеристике персонифицированной смерти: «Старуха верила, что у каждого человека своя собственная смерть, созданная по его образу и подобию, точь-в-точь похожа на него» [3. С. 160]. Таким образом, в данном случае смысл пословицы сужается и не может распространяться на синонимичные единицы «Смерть всех сравнивает», «У смерти на глазах все равны», «Перед Богом все равны» (ПРН) и др.

Продолжая свои раздумья, Анна вспоминает сыночка, умершего в младенческом возрасте, и, несмотря на прошедшее с тех пор время, она не в состоянии простить Бога за эту несвоевременную, на ее взгляд, смерть. Она пытается найти ей объяснение, используя поговорку, которая применяется как выражение смирения или как утешение кого-либо при чьей-либо смерти или утрате чего-либо (СРПиП): «Бог дал, Бог и взял» [3. С. 162], но сразу сама признает ее неуместность, не желая и не умея примириться с тем, что «умирают маленькие»: «Она считала грехом, когда родителям приходится опускаться в могилу своих детей, и грех этот готова была отдать Богу» [3. С. 161].

В русском паремийном фонде находим пословицу, указывающую на некоторое сходство между смертью и состоянием сна: «Сон смерти брат (свой)» (ПРН)^{viii}. Эта пословица основана на распространенном среди крестьян мнении, что душа спящего, как душа после смерти, способна странствовать в других измерениях, иных пространствах, встречаясь с душами покойных предков. Но главная причина, на которой основано это мнение, – это результаты наблюдений людей за спящими, которые, действительно, ввиду замедления жизненных процессов, напоминают умерших. Вот этого промежуточного состояния – между сном и смертью – и боится Анна, когда еще надеется на приезд младшей дочери Таньчоры. Она заставляет себя всю ночь бодрствовать, чтобы не умереть во сне: «[...] а ну как усну и боле не проснусь? Сон, он смерти свой» [3. С. 63] – утверждает, ссылаясь на народное поверье, старушка.

Очень яркий индивидуально-авторский фразеологизм, отражающий свойственное русскому народу неодобрительное отношение к насильственной смерти, находим в разговоре старушки с детьми на тему средней продолжительности жизни в стране. Напуганная словами пьяного Михаила, что будут «всех старух на черное мыло переводить» [3. С. 156], Анна, как праведная христианка, возражает от имени своего и Миронихи: «Кому охота на удавке болтаться?» [3. С. 156]. Таким образом, выражение «болтаться на удавке» можно истолковывать: 'висеть в петле; умереть неестественной смертью (быть повешенным)'. Неодобрительность заключается и в глаголе «болтаться», который используется в языке преимущественно в отношении неодушевленных предметов, и в данном случае Анна выражает недовольство, связанное с овеществлением человеческой личности, с утратой человеком души и утратой приоритета быть человеком, отсюда и идет следующий ее посыл: «Мы ить крещеные, у нас Бог есть» [3. С. 156].

Заканчивая эту часть наших рассуждений, следует вспомнить еще одну пословицу с компонентом «смерть»: «Перед смертью не надышишься», словарное толкование которой: ‘в последний момент не успеешь сделать того, что не было сделано раньше, за более продолжительное время’ (СРПиП). В повести Распутина произнесенная Михаилом пословица приобретает более дословный смысл. Так как сын уверен в неизбежной смерти матери, ему хочется, чтобы старушка попросилась со своей жизнью немедленно, пока его брат и сестры на месте, сомневаясь в том, приедут ли они на похороны матери по очередному его извещению: «А вот вы уедете, она маленько еще побудет и все равно отмается. [...] Кто, может, приедет, а кто так обойдется. И выйдет все в десять раз хуже. Перед смертью так и так не надышишься» [3. С. 81].

Действие повести охватывает всего три дня, которые достаточно насыщены событиями, при этом особое место уделено описаниям предсмертного состояния Анны. Уже первая фраза повести создает у читателя ясное представление об этапе жизни, на котором находится главная героиня: «Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде пришло: старухе было под восемьдесят» [3. С. 9]. Далее узнаем о том, что старушка недомогает уже давно и «только уколы [...] доставили ее с того света» [3. С. 10], т. е. ‘вернули к жизни, вылечили’ (СФСРЯ). При этом, вероятно, ненадолго, о чем судим по словам повествователя, которыми описывается ее внешний вид: «[...] покойник-покойником, только что дыхание не вышло» [3. С. 10]. В этой резко очерченной характеристике содержится индивидуально-авторская трансформация фразеологизма «испустить последний вздох» (РФ), который в тексте В. Распутина получает стилистически сниженную окраску. Благодаря последующим развернутым описаниям создается картина человеческого существования в предсмертный период, исполненная чувства неотвратимости смерти. В самом, на наш взгляд, выразительном из них – «Старуха лежала недвижимо и стыло – то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти» [3. С. 12] – отвлеченные понятия жизни и смерти как будто конкретизируются, из абстрактных перевоплощаются в материальные и почти осязаемые.

В повести «Последний срок» писатель часто прибегает к приему несобственно-прямой речи. Именно в тех отрывках, где голос автора-повествователя и внутренние монологи главной героини сливаются воедино, находим поразительно правдивые и мастерски созданные описания состояния умирающей женщины, которые обогащают образный потенциал произведения. Они могут создаваться, в частности, за счет взаимодействия фразеологизма с метафорой или соединения двух и больше фразеологизмов. С таким явлением имеем дело в выражении: «Изжилась до самого доньшка, выкипела до последней капельки» [3. С. 165], основанном на словосочетаниях «изжить себя» – ‘становиться устарелым, ненужным, лишним; морально закончить свое существование’ (РФ) и «до последней капельки» – ‘до дна; все целиком, без остатка’ (WSF), и соотносящимся в смысловом плане с фразеологизмами «до последнего издыхания» – ‘вплоть до гибели, до самой смерти, до конца жизни’ (РФ); «до последнего дыхания (вздоха)» – ‘вплоть до смерти, до гибели’ (РФ). В свою очередь, словосочетание «[...] она всё равно не жилец на этом свете» [3. С. 59] представляет собой индивидуально-авторское преобразование фразеологизма «не жилец (на белом свете)», со значением: ‘долго не проживет из-за слабого здоровья, тяжелей болезни и т. п.’ (РФ), в составе которого оказывается иной фразеологизм – «этот свет», т. е. ‘земное существование человека’ (WSF). Близость смерти отображается в повести также при помощи выразительных индивидуально-авторских метафор, в том числе: «[...] её судьба [...] уже прикатилась к своему месту, где ей осталось лишь остановиться» [3. С. 151].

Особого внимания заслуживают также индивидуально-авторские фразеологизмы, в основе структуры которых – глагол «дожить/доживать», обозначающий ‘оканчивать свою жизнь, своё существование’ (БТСРЯ). В начале повествования читателю становится известно, что «старуха и доживала свой век» [3. С. 10] у младшего сына Михаила, единственного из ее детей, кто остался в родной деревне. В дальнейшей части произведения, вспоминая старую поговорку «Первый сын Богу, второй царю, третий себе на пропитание» [3. С. 41], старушка пытается сама себе истолковать ход событий, понять судьбу, которая постепенно отнимала у нее детей, оставив одного Михаила. И она мысленно приходит к выводу, что «родила его для себя, чтобы дожить ей свою жизнь на старом родительском месте» [3. С. 41].

Чем ближе к концу повести, тем ощущение неотвратимости конца становится все сильнее. Анна подводит итоги своей почти 80-летней жизни. Припоминая прожитые годы «со сво-

его смертного порога» [3. С. 165], она отдает себе отчет в том, что прошли они в непрерывной суеде, работе и заботах. В этом словосочетании легко угадывается индивидуально-авторская трансформация пословиц «Бойся Бога: смерть у порога» и «Смерть за порогом (на носу)» (ПРН), а также фразеологизма «на пороге», т. е. ‘очень скоро наступит, придет’ (WSF). Именно рассуждения о прожитом времени и понимание уже несуществующей его перспективы приводят женщину к выводу о том, что оставшийся период жизни – это лишь мгновение. И несмотря на философски спокойное отношение Анны к смерти, внезапное осознание оставшегося времени тревожит ее: «Старухе стало жутко и холодно [...], что она, прожив почти восемьдесят лет и всегда имея запас времени впереди, теперь повисла на волоске» [3. С. 173]. Ощущение отсутствия будущего, содержащееся во фразеологизме «висеть на волоске», т. е. ‘быть в ненадежном, угрожающем положении’ (WSF), ‘быть под угрозой гибели, исчезновения’ (РФ), усиливается последующим за ним метафорическим описанием приближающейся смерти: «В этот миг у нее уже не было ни капли будущего, только прошлое, вся жизнь сошла в одну сторону» [3. С. 173].

Осознанность Анной близости смерти подтверждается ее собственными высказываниями. Старушка убеждает детей: «Я уж по себе вижу, что я не своей жистью живу...» [3. С. 62]. Словосочетание «жить не своей/чужой жизнью» построено по аналогии с фразеологизмом «жить чужим умом» – ‘придерживаться чужих взглядов’ (WSF). В обиходе оно употребляется в значении ‘заниматься чужими делами’. Здесь, однако, речь идет о своего рода продлении «назначенного свыше срока». В другом месте старушка упоминает «отсрочку», которую, якобы, дал ей Бог для встречи с младшей дочерью Таньчорой. Исходя из такого расширенного толкования фразеологизма, синонимичным ему можно признать выражение: «Я и так уж вдругорядь живу» [3. С. 114], с компонентом «вдругорядь», обозначающим ‘во второй, в другой раз; вторично, вторительно’ (ТСЖВЯ). Первое из названных словосочетаний повторяется и в реплике Люси, хотя там оно лишено диалектной окраски, свойственной речи ее матери: «И не будешь больше говорить, что ты чужой жизнью живёшь» [3. С. 63].

Как подобает праведной христианке, Анна хочет попрощаться с детьми перед смертью. Она объясняет выпавшую на ее долю возможность пожить еще некоторое время только ради того, чтобы еще раз их увидеть, поговорить и прикоснуться к их жизни: «Мне тоже охота под послед словом с вами перекинуться» [3. С. 44]. Выражение «под послед» не фиксируется ни в одном из доступных автору статьи лексикографических источников, однако, контекст подсказывает его семантику, соотносящуюся с лексемами «последний», «напоследок». Таким образом, его можно признать синонимом устойчивого выражения «под конец», т. е. ‘ближе к концу, в конце, в завершение чего-то’ (ТСРЯ). В данном случае имеется в виду «конец жизни». Этот авторский фразеологизм повторяется в тексте повести дважды: «Я уж под послед ишо покормлю её» [3. С. 45] – говорит Анна, прося Люсю купить конфет для маленькой внучки Нинки.

Известно, что пожилые люди обладают специфическим, сразу угадываемым, запахом, т. н. «запахом старости», исходящим от старых вещей, принимаемых лекарств, недостаточного ухода и пр. Умиравшая Анна в разговоре с Миронихой делает замечание: «Ты-то пошто не человек? Это от меня уж, однако, лежалым пахнет» [3. С. 121]. Использованием прилагательного «лежалый» (‘лежавший долго без употребления, залежавшийся, несвежий’), употребляемого только по отношению к предметам, подчеркивается бесполезность и бессмысленность продолжения жизни Анны как человека. И в этом сама героиня отдает себе отчет. Поэтому она отказывается от лечения, умоляя: «[...] дайте мне самой на покой удти» [3. С. 10], где имеем дело с диалектным вариантом фразеологизма «(пора, надо и т. п.) на покой», т. е. ‘пора умирать’ (РФ).

Понимание детьми безнадежности ситуации проявляется и в их репликах – причем лишь до той поры, пока они не решили, что мать поправляется. Итак, в начале повести Варвара упрекает пьянствующих братьев: «Матушка при смерти лежит, а они тут разгулялись» [3. С. 14]. Фразеологизм «быть (лежать) при смерти» обозначает ‘умирать’ (WSF); «при смерти» – ‘в очень тяжелом, опасном для жизни положении, состоянии’ (РФ). Некоторое время спустя в похожем тоне высказывается и Люся: «Мать чуть живая лежит, а они как с ума сошли!» [3. С. 147]. Фразеологизм «чуть жив» – ‘кто-либо очень устал, измотан, измождён’ (ФСРЛЯ) в данном случае наполняется более конкретным значением, соотносясь по смыслу с приведенным выше словосочетанием «лежать при смерти». Однако, когда состояние здоровья Анны, кажется, улучшается, Люся, пытаясь скрыть раздражение, укоряет и саму мать:

«Будь как все и не хорони себя без смерти. Ты живой, нормальный человек – вот им и будь [...] А нам сегодня надо ехать» [3. С. 192]. Выражение «хоронить себя без смерти» можно считать авторской трансформацией фразеологизма «заживо хоронить себя», словарное толкование которого – «отказываться от общения с другими людьми» (WSF), причем в данном случае также происходит некоторое изменение его смыслового содержания. Этой репликой Люся намерена положить конец надоевшим ей непрерывным сетованиям матери и найти оправдание своему немедленному отъезду из деревни.

Анализируя языковое отражение самого момента смерти в повести В. Распутина, следует обратить внимание на устойчивые словосочетания, в основе которых лежит лексема «час». Итак, в начале текста говорится о детях, собравшихся у кровати матери «в её последний час» [3. С. 34]. Во внутреннем монологе Анны находим объяснение прекращению разговора о смерти с Мирославой, которая, по ее мнению, не в состоянии понять, «что чувствует человек в смертный час» [3. С. 181]. Фразеологизм «смертный (последний) час кого или чей» имеет два значения: 1) «время непосредственно перед кончиной» и 2) «смерть, кончина» (РФ). В воспоминаниях Анны о своей наполненной трудом жизни появляется выражение «покуда не придёт её час» [3. С. 42], соотносящееся с фразеологизмом «(в) свой час», который обозначает своевременную, ожидаемую смерть (РФ). Индивидуально-авторскую трансформацию этого фразеологического оборота находим в другом внутреннем монологе главной героини, размышляющей о смерти: «Долгих восемьдесят годов та [смерть – прим. А.У.-П.] ждала своего единственного праздничного часа [...] – у нее свои планы» [3. С. 176]. Благодаря расширению фразеологизма «(в) свой час» прилагательными «единственный» и «праздничный» пришествие смерти воспринимается как неповторимое и поэтому торжественное событие.

В воспоминаниях Анны об умерших детях находим образное, построенное на приеме анимизации, сравнение: «[...] к ним в семью, как хорёк в курятник, повадилась ходить смерть» [3. С. 10]. Оно является индивидуально-авторским преобразованием устойчивого разговорного словосочетания «лиса в курятнике» (перен. «о мошеннике, который чувствует себя где-н. вольготно и безнаказанно», ТСРЯ), однако в некоторой степени меняется объект сравнения, а само оно получает новый, углубленный смысл. Замена образности, по всей вероятности, обоснована тем, что хорек, как более мелкое по сравнению с лисой животное, охотится на птенцов. Курятник же прочитывается в данном случае как символ семьи, а предметом безнаказанного похищения становятся беззащитные дети.

В следующих примерах имеем дело с усечением состава фразеологизма. В начале повести узнаем: «Когда окончательно стало ясно, что старуха не сегодня завтра отойдет, Михаил пошел на почту и отбил брату и сестрам телеграммы» [3. С. 10]. В другом месте читаем, что после смерти мужа Анна «[...] начала она молитву, когда увидела, что он отошёл» [3. С. 163], сама же молится о том, «отойти ей в памяти» [3. С. 176], т. е. в сознательном состоянии, не во сне. Используемый в приведенных отрывках глагол «отойти» является компонентом целого ряда фразеологических единиц со значением «умереть», причем с разной стилистической окраской: «отойти/отойти в вечность» (РФ), «уйти/уйти (отойти/отойти; отправиться/отправиться) в лучший мир (из миров)» (РФ), «отойти (отойти) на тот свет (СФСРЯ), «уйти (удалиться, отойти) в иной (загробный) мир» (СФСРЯ), «отойти от мира (сего)» (СФСРЯ), «отойти (скрыться) в горный мир (в горную обитель)» (СФСРЯ), «отойти к вечному блаженству» (СФСРЯ), «отойти (переселиться) в лучшую (будущую) жизнь» (СФСРЯ). В последнем из перечисленных выше фразеологизмов используется как вариант глагол «переселиться».

Мотив переезда встречается и в повести В. Распутина: «Отца у нас нет, а теперь мать переедет, и всё, и одни» [3. С. 32] – говорит Михаил. Сама же Анна, объясняя Люсе отсутствие аппетита, описывает, используя олицетворяющую метафору, свой желудок, который «[...] в узелок завязался. [...] Думал, па-е-хали, Анна Степанна, на новую фатеру» [3. С. 38]. Вне контекста оба эти высказывания можно было бы толковать дословно, как «переменить местожительство». Однако, когда речь идет о смерти, они наполняются переносным смыслом. В состав второго вводится слово «фатера», являющееся искаженной формой от «квартира, помещенье, жилье» (ТСЖВЯ). В свою очередь, размышляя о смерти мужа, Анна употребляет глагол разговорного стиля «перебраться» в значении «переселиться» (БТСРЯ): «Туда же [на тот свет – прим. А.У.-П.] в войну перебрался и ее старик» [3. С. 162]. При этом женщина подчеркивает, что в

военное время ему все-таки «[...] довелось умереть своей смертью» [3. С. 162]. Под фразеологизмом «умереть своей смертью» подразумевается естественная смерть, от старости или болезни (WSF). Муж ее умер от болезни и такую смерть старушка считает «по тогдашней поре» удачной.

Следует также обратить внимание на довольно многочисленную группу диалектных, разговорных, просторечных и устаревших лексем, введенных в произведение с целью отражения момента ухода из жизни. Итак, Анна, воспитывая нескольких детей, придерживалась принципа: «[...] ползи или иди куда хочешь, только не убивайся до смерти и не кричи, теперь и без тебя есть кому кричать» [3. С. 143]. Выражение «убиться насмерть/до смерти» – это разговорно-сниженный вариант словосочетания «разбиться насмерть» (БТСРЯ).

В речи Михаила находим глагол «отмаяться», свойственный разговорному стилю речи и обозначающий ‘кончить маяться, перестать страдать (обычно об умершем после тяжелой болезни)’ (БТСРЯ): «Отмаялась?» [3. С. 22] – спрашивает у своей жены Михаил в начале повести, думая, что мать умерла. А потом, о чем уже говорилось, пытается остановить собирающихся домой брата и сестер, уверяя, что мать непременно вскоре умрет: «А вот вы уедете, она маленько еще побудет и всё равно отмаётся» [3. С. 81].

В разговоре с умирающей соседкой Мирониха в шутку говорит: «Я к ей на поминки иду, думаю, она, как добрая, уж укустыляла, а она всё тутакса» [3. С. 108]. Здесь уход из жизни выражен глаголом «укустылять», обозначающим ‘уковывливать, уходить костыляя’ (ТСЖВЯ), в котором содержится также намек на возраст и физическое состояние ее собеседницы. На слова Анны, которая будто ждет смерти приятельницы, «чтоб вместе в одну домовину лягчи» [3. С. 108], Мирониха огрызается: «Ты меня не жди, сподобляйся» [3. С. 108]. Глагол «сподобляться» характерен для нескольких говоров и обозначает ‘готовиться’ (ТСЖВЯ). При этом в высказывании Анны дополнительно содержится индивидуально-авторское преобразование фразеологизма «лечь в гроб (в могилу)» со значением ‘умереть’ (СФСРЯ), в котором слово «гроб» заменено его устаревшим, народно-разговорным синонимом, а глагол «лечь» выступает в диалектной форме. К концу повести умирающая мать просит Люсю прийти к согласию с братом. Кроме желанья увидеть Таньчору, ей необходимо убедиться в том, что дети будут жить дружно, когда ее не станет. Для нее это словно залог спокойной смерти и единственное незавершенное в ее жизни дело: «От меж собой помириться, и я ослобонюсь. Меня тепери только это и держит» [3. С. 186]. Свойственный диалектной лексике глагол «ослободить» имеет значение ‘освободить’ (ТСЖВЯ). Таким образом, «ослободиться» в устах Анны обозначает не что иное, как раскрепоститься, избавиться от земной плоти и закончить бренное существование. Момент своей кончины старушка представляет себе следующим образом: «У меня смерть легкая будет, я чую. Попрощаюсь с имя, глаза сама закрою и помру. Подойдет ко мне Варвара поглядеть, а из меня последний дух вылетел, я уж лёгкая» [3. С. 114]. В этом образном описании находим отголоски упомянутого уже раньше фразеологического оборота «испустить последний вздох», а также пословицы «Никто не увидит, как душа выйдет» (ПРН).

Темы похорон и загробной жизни представлены в повести лишь несколькими словосочетаниями. Интересным примером является выражение «опускать в могилу»: «Она считала грехом, когда родителям приходится опускать в могилу своих детей» [3. С. 161]. Данное выражение, помимо известного дословного (прямого) значения, в размышлениях Анны о детской смерти, приобретает также значение переносное, включающее как факт потери ребенка родителями, так и обряд погребения. Обучая дочь Варвару народным поминальным причитаниям, старушка переживает, что утрачиваются древние обычаи, которые прежде, являясь неотъемлемой частью жизни человека, сопутствовали ему в течение всей жизни, от его рождения до исхода. Она знает, что напрасно надеяться на то, что ее дети, ставшие уже «городскими», продолжают традицию, берущую корни в русской деревне, и глубоко сожалеет об этом: «Тепери ни ребёнка ко сну укачать, ни человека в могилу проводить – ничё не умеют» [3. С. 188]. Словосочетание «проводить в могилу» – это индивидуально-авторское преобразование фразеологического оборота «проводить в последний путь», обозначающего ‘участвовать в похоронах’ (ФСРЛЯ), причем, на наш взгляд, в данном случае вместе со снижением стилистической окраски оно приобретает более конкретное значение, т. е. ‘похоронить’, похоронить согласно народным традициям и правилам. В связи с ориентационным конфликтом поколений и утратой

родовой преемственности духовных ценностей мать не рассчитывает и на то, что дети будут хранить память о ней: «Помянут словом, кивнут в ее сторону, и все – была и былшем поросла. А потом и поминать забудут» [3. С. 174]. Принятие старушкой утраты памяти детьми о ней после смерти выражено в употребляемом в разговорном стиле речи фразеологическом обороте «быльшем поросло» в значении: ‘окончательно, совсем забыто; никогда не вспоминается, часто и некому уже вспоминать’ (РФ), существующем и в расширенном варианте в качестве поговорки: «Что было, то прошло и былшем поросло» (СРПиП). В данном случае навеянное размышлениями о будущем чувство беспросветности явно контрастирует с жизненными заветами Анны, которая лелеет в памяти образы своих близких – как живых, так и «тех, кого уже нет в живых» [3. С. 168]. Хотя Анна довольно смиренно относится к пренебрежению детьми памятью о своих корнях, как к чему-то неизбежному, от нее не зависящему, все же вопрос собственного внутреннего спокойствия в момент смерти и чистой жизни души в согласии с христианской верой после ее земной кончины не перестает волновать старушку. Поэтому с таким нетерпением она ждет приезда Таньчоры. Лишь убедившись в том, что младшей дочери хорошо живется, она может спокойно покинуть земной мир: «Когда с ей чё дospelось, мне ить и на том свете смерти не будет» [3. С. 152], что обозначает, что ее душа не найдет покоя в загробном мире.

В общую тональность повести вписываются также словосочетания с компонентами «смерть», «умирать» и их синонимами, которые употребляются в переносном смысле, например, фразеологизмы «до смерти» и «под страхом смерти», характеризующие физическое и психическое состояние человека. Ср.: 1) Михаил размышляет о том, что «[...] хорошо почувствовать себя до смерти усталым, и ведь не когда-нибудь, а именно перед сном» [3. С. 67]. Здесь фразеологический оборот «до смерти» выступает в значении ‘крайне, очень’ (WSF). 2) На старой фотографии Таньчора стоит «[...] с узким напуганным лицом, словно она фотографировалась под страхом смерти» [3. С. 49], т. е. в состоянии сильного испуга, сопоставимого с угрозой смерти.

Мирониха, рассказывая о медведе, который кружит по окрестностям деревни, в шуточной форме намекает на свой по-старчески уродливый вид: «Он бы на меня не подумал, он бы подумал, это смерть за ним явилась. Я бы его так напужала, никакая медведиха не ототрёт» [3. С. 111]. В сопоставлении старушки и смерти передается бледность, худоба, дряхлость тела и другие признаки преклонного возраста женщины.

Интересный пример употребления словосочетаний с компонентом «умирать» находим еще в одной ситуации. В разговоре с Михаилом и Ильей сосед Степан довольно метко характеризует несговорчивость своей тещи: «Ясно, что умрёт тут, а не уйдёт» [3. С. 126]. В этом образном сравнении упрямство тещи предстает характеристикой полностью отрицательной, хотя она фактически стоит на страже трезвости и надлежащих отношений в семье и не пускает зятя, зная его намерение, в подполье, где спрятан самогон.

Тема злоупотребления алкоголем героями повести и его «тяжелых последствий» появляется и в другом разговоре мужиков. Страдающий от похмелья Михаил предлагает брату выпивку: «А то я до вечера не дотяну. Похмелье, оно задавить может. И так уж едва дышу. Придется вам тогда меня вместо матери хоронить» [3. С. 70]. Употребление свойственных для разговорного стиля речи глагола «не дотянуть» в значении ‘не дожить’ и фразеологизма «еле (еле, едва, чуть) дышать», обозначающего ‘быть близким к смерти’ (СФСРЯ), с одной стороны, экспрессивно характеризует скверное самочувствие Михаила, с другой – как ни странно, внушает читателю некоторое понимание ситуации, исполненное одобрения и даже сочувствия герою. Старушки, однако, к пьянству относятся категорически непримиримо: «Оне ить себя только гробят, боле ничё» [3. С. 117] – говорит Анна. Глагол «гробить» (разг.), т. е. ‘уничтожать, губить, портить’ (БТС), однозначно указывает на отрицательное влияние алкоголя на физическое состояние людей.

Существуют в русском языке выражения, которые употребляются при упоминании о покойном: «Царство небесное кому» и (WSF) «Пусть земля кому пухом будет» (WSF). В. Распутин в своей повести создает свое индивидуально-авторское выражение, вкладывая его в уста Степана, который вспоминает умершего жителя деревни, Дениса Агаповского: «пусть ему на том свете отрыгнётся» [3. С. 134]. Эта авторская трансформация, на наш взгляд, соотносится по смыслу с упомянутыми выше устойчивыми словосочетаниями, а также с пословицей «Каково поживется, таково и отрыгнется» (ПРН).

Повесть заканчивается сжатой фразой: «Ночью старуха умерла» [3. С. 194]. Здесь уже нет места языковому экспериментаторству и многозначности. Свершилось то, к чему неизбежно стремилось все действие произведения. Тем не менее, именно лаконичностью финальной фразы произведения подчеркивается авторские осмысление невозвратной утраты тех ценностей, которые хранились и соблюдались Анной, подчеркивается нелепость переоценки жизненных установок ее детьми (которые уехали, не дождавшись смерти матери) и неотвратимость разлада между старым и молодым поколениями жителей русской деревни.

Повесть «Последний срок» в целом насыщена паремиями и фразеологизмами, среди которых, несомненно, преобладают устойчивые выражения и их индивидуально-авторские преобразования, связанные с морбиальной тематикой. Приведенные нами примеры являются свидетельством проявления особой тщательности писателя по отношению к языковому плану повести. Они не только позволяют избежать повторов в речи повествователя, но и порой придать ей возвышенную тональность, а порой смягчить заданное темой произведения ощущение безысходности изображаемого. Используя богатство и выразительность языка старожилов сибирской деревни, дифференцируя их речь и насыщая ее диалектизмами и народными изречениями, писателю удалось воскресить на страницах повести забытую литературой предыдущего периода живую речь русской деревни и достичь той достоверности и убедительности, к которым в своем творчестве стремились большинство писателей-«деревенщиков». При этом немаловажное значение имеет и тот факт, что разговорные и просторечные, порой шуточные высказывания героинь на тему смерти подчёркивают в тот же момент присущее любому праведному христианину смиренное отношение к неизбежности и конечности жизненного пути человека.

Несмотря на преобладающие в повести «Последний срок» пессимистические ноты, связанные с озабоченностью автора-повествователя будущим, в ней есть и светлые моменты, позволяющие надеяться на сохранение, хотя бы в некоторой степени, жителями сибирской деревни древних традиций и нравственных устоев в период бурного научно-технического прогресса, урбанизации страны и миграции молодого поколения из сельских местностей в города, т. е. явлений, влекущих за собой крушение народно-христианского уклада жизни. В качестве примера этого проблеска надежды можно привести слова младшего сына Анны, Михаила, который после рождения своего ребенка приходит к извечной истине: «[...] смертно в мире всё, кроме земли и неба» [3. С. 167]. Этим утверждением он доказывает свою причастность к крестьянскому мировосприятию, основанному как на православной религии, так и на вере в разумность, присущую природе, в целесообразность смены циклов рождения и умирания, среди которых человеческая жизнь – их неотъемлемая часть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. – Томск: Изд-во Томского университета, 2004. – 204 с.
2. Кузина А.Н. Структура художественного мира в повести В. Распутина «Последний срок» // Вестник Амурского государственного университета. – 2000. – Вып. 10. – С. 21–24.
3. Распутин В. Последний срок // Век живи – век люби. Повести, рассказы. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. – 648 с.

ⁱ Схожее мнение высказывали и другие писатели-«деревенщики», в том числе, Ф. Абрамов, который считал, что писатели больше должны прислушиваться к языку народа, а творчество состоит в умении выбрать нужное из сундука с сокровищами и донести до читателя [1. С. 59].

ⁱⁱ К. Партэ «сплав православия и народных поверий, так свойственных русской деревне» определяет термином «двоеверье/двоеверие» [1. С. 74, 75].

ⁱⁱⁱ О широком и узком понимании термина «фразеологическая единица» см. напр.: В. М. Мокиенко, *Фразеологические теории в зеркале лексикографической практики*, [В:] *Frazeologia słowiańska*, Opole, 2001. – S. 35–60.

^{iv} Здесь уместно вспомнить, цитируя за К. Партэ, констатацию М. Чудаковой об отношении писателя к языку, которым он наделил свою героиню: «...невозможно избавиться от странного ощущения, что автор не "создатель"» речи своей героини, а слушатель ее, что вместе с нами он следит за этой речью с неослабным вниманием, напрягая слух» [1. С. 56].

^v В статье приняты следующие сокращения: SP – R. Stypuła, *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Warszawa, 1974; WSF – *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski i rosyjsko-polski*, red. J. Lukszyn, Warszawa, 1998; РФ – Р.И. Яранцев, *Русская фразеология. Словарь-справочник*, Москва, 1997; СРПиП – В.П. Жуков, *Словарь русских пословиц и поговорок, 6-е издание*, Москва, 1998; СФСРЯ – *Словарь фразеологических синонимов русского языка*, под ред. В.П. Жукова, Москва, 1987; ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А.И. Молоткова, Москва, 1978; ПРН – В.И. Даль, *Пословицы русского народа* – <http://dic.academic.ru> (В.И. Даль, *Пословицы русского народа*, Москва, 1989); БТС – *Большой толковый словарь русского языка*, гл. ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург, 2004; ТСРЯ – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва, 1998; ФСРЛЯ – А.И. Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка*, Москва, 2008 – <http://phraseology.academic.ru>; ТСЖВЯ – В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка* (онлайн версия).

^{vi} Существует также фразеологический оборот «в гроб заколотить кого», однако он имеет несколько другое значение, т. е. «избить смертным боем» (СФСРЯ).

^{vii} Словарное толкование пословицы «Все под Богом ходим»: со всяким может случиться что-либо неожиданное, от человека не зависящее (СРПиП, 76).

^{viii} На этом сходстве основан также русский фразеологизм «заснуть (почить, уснуть) вечным (последним, мертвым) сном» (СФСРЯ).

Поступила 09.04.2013 г.